

Russian Journal of Comparative Law

Has been issued since 2014. ISSN 2411-7994
2015. Vol.(3). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation (Editor in Chief)
Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation
Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **OAJI**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal41.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.03.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № RJCL-3.

© Russian Journal of Comparative Law, 2015

Russian Journal of Comparative Law

2015

Is.

1

Издается с 2014 г. ISSN 2411-7994
2015. № 1 (3). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бирюков Павел – Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация (Главный редактор)

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Беларусский государственный университет, Минск, Беларусь

Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: **ОАИ**

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal41.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 20.03.15.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № RJCL-3.

C O N T E N T S

Articles and Statements

To the Issue of Coercive Measures Applicable to Legal Persons in Latvia Pavel N. Biriukov	4
The Relationship Between the International Law and the Domestic law of Vietnam Pham Thi Thanh Huyen	8
EU Financial Interests' Protection in Polish Republic Andrew J. Klyuchnikov	14
Entry Into Force of the Judgment by the Criminal Procedure Code of the Czech Republic Aleksandr A. Sizov	19
To the Defenition «Information Security» under Ukrainian Law Olga G. Turchenko	24
The Reform of Structure and Competence of Ministry of Foreign Affairs of Finland in the Field of Participation in EU Affairs Ilia N. Zhdanov	29

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-7994

Vol. 3, Is. 1, pp. 4-7, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.4

<http://ejournal41.com>

Articles and Statements

UDC 341.01

To the Issue of Coercive Measures Applicable to Legal Persons in Latvia

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Russian Federation
Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Abstract

The article deals with the coercive measures applicable to legal persons in Latvia. A number of national instruments, which measured criminal liability of legal persons is given. In particular, it analyzes the provisions of the Criminal Code and Criminal Procedure Code of Latvia. The main attention is paid to the description of the existing types of coercive measures and to the order of their using.

Keywords: Latvia, Criminal Code of Latvia, Criminal Procedure Code of Latvia, legal entities, criminal liability of legal persons, coercive measures applicable to legal persons.

Введение

Основанием для применения принудительных мер к юридическим лицам в Латвии являются нормы Уголовного закона Латвии (далее УК) [1]. Согласно ст. 12 УК физическое лицо, совершившее преступление, действуя в интересах юридического лица частного права [3], в результате недостаточного надзора или контроля со стороны юридического лица должно быть привлечены к уголовной ответственности. Интересно отметить, что согласно ч.1 ст. 3 УК в случаях, прямо предусмотренных законом, лицо может быть признано виновным в совершении преступления и подвергнуто наказанию также прокурором путем составления судебного запрета (*injunction*).

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы ЕС и Латвии, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подхода Латвии к проблеме уголовной ответственности юридических лиц. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах на действующие ныне международно-правовые и внутригосударственные нормы о корпоративной ответственности. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (уголовного права, уголовного процесса, международного права) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Обсуждение

К юридическим лицам могут быть применены принудительные меры, предусмотренные УК. В особенной части УК содержится перечень преступлений, в отношении которых суд (а в случаях, предусмотренных законом, и прокурор) может применить принудительную меру уголовно-правового характера к юридическому лицу частного права, в том числе к государственной или муниципальной капитала, а также партнерствам. Применение таких мер возможно, если физическое лицо совершило преступление в интересах юридического лица [4]. Однако ст. 70.1 УК устанавливает дополнительное условие: деяние должно быть результатом недостаточного надзора или контроля за лицом, которое индивидуально или в качестве члена коллегиального органа действовало в отношении предприятия: а) на основании закона представляет юридическое лицо или действует от его имени; б) на основе закона принимает решение от имени юридического лица; в) осуществляет контроль в рамках юридического лица.

В УК предусмотрен ряд принудительных мер к юридическим лицам. В их числе: 1) ликвидация; 2) ограничение полномочий; 3) конфискация имущества; 4) денежный сбор (штраф). Интересно отметить, что в отношении юридического лица могут быть применены одна или несколько мер, однако в случае ликвидации компании другие принудительные меры не используются.

Исполнение принудительных мер

Порядок исполнения принудительных мер определяется в соответствии с УК и УПК Латвии [2]. Для преступления, предусмотренного Особенной частью УК в качестве менее тяжкого, прокурор при составлении приказа в отношении принудительных мер, может определить денежное взыскание или ограничение прав самостоятельно.

Ликвидация в качестве уголовно-правовой меры предусматривает принудительное прекращение деятельности предприятия (ст. 70.3 УК). Юридическое лицо ликвидируется только, если оно, его филиал, представительство или иное структурное подразделение было специально создано для совершения преступления или если им было совершено тяжкое либо особо тяжкое преступление. При ликвидации все имущество компании отчуждается в собственность государства без какой-либо компенсации собственникам.

Ограничение полномочий (ст. 70.4 УК) представляет собой лишение определенных прав или разрешений или вынесение специального запрета, которая предотвращает возможность предприятию осуществлять определенные права, получать государственную поддержку или помощь, участвовать в процедуре государственных или муниципальных закупок на срок от одного года и до десяти лет. Любопытно, что прокурор вправе самостоятельно выносить приказ о применении принудительных мер, но на половинный срок.

Конфискация имущества представляет собой принудительное отчуждение имущества предприятия в собственность государства без компенсации (ст. 75.5 УК). При определении конфискации имущества суд должен точно указать, какое имущество должно быть конфисковано. Интересно отметить, что в УК приняты меры, предупреждающие конверсию конфискуемого имущества. Имущество, принадлежавшее осужденной компании, которое было передано другому лицу, также может быть конфисковано [6. Р. 62-67].

Денежный сбор (штраф) это сумма денег, которая накладывается судом или прокурором в пользу государства, в пределах 30 дней (ст. 70.6 УК). Его размер определяется в соответствии с серьезностью преступления и имущественного положения юридического лица. Штраф не может быть менее десять тысяч МРОТ в Латвийской Республике и не превышать ста тысяч МРОТов. Он исчисляется на момент вынесения решения. Сумма штрафа, применяемого прокурором, составляет половину от максимальной суммы, предусмотренной законом.

Денежная сбор, назначенный юридическому лицу, должен быть оплачен из средств юридического лица. Суд (или прокурор) может разделить оплату денежной налога на периоды или отложить на определенный срок, но не более одного года со дня, когда судебное решение о принудительной мере вступило в силу. Если денежный сбор не был уплачен добровольно, принудительная мера должна быть реализована за счет обязательных процедур [5].

В ст. 70.8 УК определяются условия применения принудительных мер к юридическому лицу. При определении типа принудительной меры должны быть приняты во внимание: характер преступления и причиненный вред. При определении степени меры принуждения должны соблюдаться следующие условия: а) объективная сторона деяния; б) характер и

последствия деяния; в) меры, которые предприняло юридическое лицо в целях предотвращения совершения уголовного преступления; г) размер, вид деятельности и финансовое состояние предприятия; д) меры, которые юридическое лицо предприняло для компенсации убытков; е) достигнуто ли соглашение с потерпевшим.

Некоторые преступления, за которые к юридическим лицам могут применяться принудительные меры

Основные деяния, за которые юридические лица могут привлекаться в Латвии к уголовной ответственности, закреплены в Главе XIX УК "Преступления экономического характера". В их числе следующие:

1. Контрабанда (ст. 190 УК). Данное преступление совершает лицо, которое осуществляет ввоз товаров или других ценностей на таможенную территорию Латвийской Республики или вывозит их, избегая таможенного контроля либо с сокрытием таких товаров или других ценностей от такого контроля, либо не декларируя такие товары или другие ценности, или с использованием поддельных таможенных или других документов, или любым другим незаконным путем. Контрабанда уголовно наказуема, если государству был причинен существенный ущерб.

2. Перемещение товаров и веществ, обращение которых запрещено или специально урегулировано, через Государственную границу Республики Латвии (ст. 190.1 УК). Объективная сторона данного деяния выражена в незаконном перемещении наркотических средств или психотропных веществ, а также их прекурсоров, радиоактивных или опасных веществ, товаров, имеющих стратегическое значение, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов через государственную границу Республики Латвии.

3. Производство, перевозка, реализация, приобретение и хранение поддельных денег и государственных финансовых инструментов криминализованы в ст. 192 УК.

4. Незаконная деятельность с финансовыми инструментами и средствами платежа (ст. 193 УК). Данное преступление совершает лицо, которое приобретает или отчуждает финансовые инструменты от своего имени или на свое имя либо на имя другого лица на основе инсайдерской информации на рынке финансовых инструментов, а также совершает манипуляции на рынке с финансовыми инструментами, если преступлением был причинен существенный ущерб. Квалифицированные составы включают в себя: а) хищение, уничтожение, повреждение или незаконное использование финансовых инструментов или средств платежа другого лица; б) подделку финансовых инструментов или средств платежа, а также сделки с использованием таких подделок, не предусмотренные статьей 192 УК; в) приобретение или отчуждение финансовых инструментов на основе инсайдерской информации на рынке финансовых инструментов, а также манипуляции на рынке с финансовыми инструментами, если они совершены в особо крупном размере, или организованной группой.

5. Получение, изготовление, распространение, использование и хранение данных, программного обеспечения и оборудования для незаконных действиях с финансовыми инструментами и средства платежа (ст. 193.1 УК).

6. Самовольное выпуск финансовых инструментов (ст. 194 УК). По этой статье наказуемы, в частности:

а) выпуск в обращение финансовых инструментов юридического лица до его регистрации или без регистрации финансовых инструментов в соответствии с законом, либо сознательное предоставление ложной информации о государственной эмиссии финансовых инструментов;

б) подготовка и выпуск в обращение финансовых инструментов, если они не соответствуют положениям устава, выпуск проспекта или иной документ, выданный для этой цели, или выдача депозитных сертификатов (инвестиций) без получения соответствующего депозита, применимо наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или временное лишение свободы или общественные работы, или штрафом.

7. Отмывание доходов от преступной деятельности закреплено в ст. 195 УК [См. подробнее: 4. С. 20].

8. Коммерческий подкуп (ст. 199 УК). Это преступление совершает лицо, которое предлагает или предоставляет материальные ценности, имущество или выгоды иного характера лично или через посредников сотруднику предприятия или организации, либо лицо, которое на

основании закона или специального права (например, доверенности – П. Бирюков), имеет право вести дела другого лица или имеет право разрешать споры, чтобы он или она, используя свои полномочия, выполнили или не выполнили какое-нибудь действие в интересах дающего в пользу или другого лица, независимо от того, кому предназначены указанные ценности, имущество или выгоды иного характера (для этого или третьего лица).

9. Посредничество во взяточничестве (ст. 322 УК) и дача взятки (ст. 323 УК). При этом под взяткой понимаются любые материальные ценности, собственность или преимущества иного рода (*material values, properties or benefits of other nature*).

Заключение

Таким образом, положения латвийского законодательства позволяют привлекать юридические лица к уголовной ответственности, что соответствует требованиям норм международного права. Опыт Латвии в этой области подлежит внимательному изучению, поскольку в РФ институт уголовной ответственности организаций отсутствует.

Примечания:

1. Kriminālkodekss Latvijas // <http://www.likumi.lv/doc.php?id=88966>
2. Kriminālprocesa likums // <http://www.likumi.lv/doc.php?id=107820>
3. <http://www.doingbusiness.org/law-library/latvia>
4. Krastiņš U., Liholaja V., Niedre A. Krimināltiesības. Sevišķā daļa. Rīga: TNA, 2009.
5. Mežulis D. Īpašuma krimināltiesiska aizsardzība. Rīga: Turība, 2006.
6. Рейнгольд В. Современные аспекты уголовно-правовой регламентации конфискации имущества // *Administratīvā un kriminālā justīcija*. 2014. N 1. Rīga: BSA, pp. 62-67.
7. Rekhovskiy A. Some Aspects of Fight Against Money Laundering in International Law and National Criminal Law // *Журнал гражданского и уголовного права*. 2015. Vol. (3). Is. 1. pp. 17-22.

References:

1. Kriminālkodekss Latvijas // <http://www.likumi.lv/doc.php?id=88966>
2. Kriminālprocesa likums // <http://www.likumi.lv/doc.php?id=107820>
3. <http://www.doingbusiness.org/law-library/latvia>
4. Krastiņš U., Liholaja V., Niedre A. Krimināltiesības. Sevišķā daļa. Rīga: TNA, 2009.
5. Mežulis D. Īpašuma krimināltiesiska aizsardzība. Rīga: Turība, 2006.
6. Reingold V. Sovremennye aspekty ugodovno-pravovoy reglamentacii konfiskacii imuschestva // *Administratīvā un kriminālā justīcija*. 2014. N 1. Rīga: BSA, pp. 62-67.
7. Rekhovskiy A. Some Aspects of Fight Against Money Laundering in International Law and National Criminal Law // *Zhurnal grazhdanskogo i ugodovnogo prava*. 2015. Vol. (3). Is. 1. pp. 17-22.

УДК 341.01

О принудительных мерах уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам в Латвии

Павел Николаевич Бирюков

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
 Доктор юридических наук, профессор
 E-mail: birukovpn@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы вопросы принудительные меры, реализуемые в уголовно-процессуальном порядке в отношении организаций частного права в Латвии. Исследовано большое число норм права, которые регламентируют вопросы уголовной ответственности юридических лиц. Большое внимание уделяется изучению принудительных мер и порядку их применения.

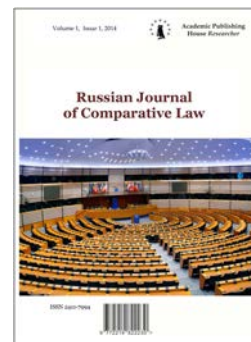
Ключевые слова: Латвия; УК Латвии; УПК Латвии; юридические лица; уголовная ответственность юридических лиц; меры уголовно-правового характера, применяемые к юридическим лицам.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 3, Is. 1, pp. 8-13, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.8
<http://ejournal41.com>

UDC 341.01

The Relationship Between the International Law and the Domestic law of Vietnam

Pham Thi Thanh Huyen

Vietnam Law Firm Indochine Counsel, Vietnam
PhD of Legal Science
E-mail: huyen.phamnd@gmail.com

Abstract

The article deals with questions of the relationship between international and national law in the legal doctrine of Vietnam. In particular, it analyzes a large number of the law norms of Vietnam, which regulate issues of interaction norms of various legal systems. The main attention is paid to the description of application of international norms in Vietnam.

Keywords: international law, law of Vietnam, relationship between the international law and domestic law, dualism, collision.

Введение

В праве СРВ до принятия в 1998 г. Указа «О заключении, присоединении и выполнении международных договоров» [1] вопрос о месте и роли международного права в правовой системе Вьетнама и соотношении двух правовых систем не был урегулирован. В юридической литературе, включая учебники, в долгое время господствовало единое мнение о самостоятельном существовании и раздельном функционировании двух правовых систем – международной и внутригосударственной [2]. К примеру, по мнению Ле Май Ань, осуществление международных правовых норм в рамках внутреннего правопорядка государства возможно только в случае придания таким нормам силы национального права посредством издания внутригосударственного правового трансформационного акта [3]. Такое положение дел, как считает проф. Доан Нанг, объясняется тем, что во времена существования Советского Союза на доктринальном уровне была сформулирована теория трансформации, согласно которой норма международного права приобретает юридическую силу в системе национального права только после ее трансформации в норму внутригосударственного характера. В это время правовая идеология во Вьетнаме формировалась на базе идеологии СССР [4].

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы СРВ, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование

историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подхода Вьетнама к соотношения международного и национального права. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах на действующие ныне нормы права СРК о действии международного права в правовой системе РФ. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (конституционного права, международного права) доступными и сравнимыми.

Обсуждение

В 90-х г. в СРВ был принят ряд правовых актов (Кодекс «О мореплавании» 1990 г. [5], Закон «О гражданстве» 1998 г. [6] и Закон «О торговле» 1997 г. [7]), в которых предусматривается приоритетное применение международных договоров в случае их коллизии с нормами внутреннего права. Вьетнамские ученые (Нгуен Тхе Сон [8], Ле Тхань Ван [9], Тхай Винь Тханг [10], Доан Нанг [11]) стали исследовать роль и место международных договоров в правовой системе СРВ и возможность непосредственного применения национальными судами, физическими и юридическими лицами норм международных договоров.

Однако, в Конституции Вьетнама 1992 г. [12] нормы о приоритете международных договоров не закреплялись. В ней предусматривались лишь вопросы об органах, уполномоченных заключать и ратифицировать международные договоры. Так, в соответствии с п. 13 ст. 86 Конституции 1992 г. Народное Собрание, по предложению Председателя государства, вправе принять решение о ратификации или денонсации международных договоров СРВ. Компетенция по проведению переговоров и заключению международных договоров от имени Социалистической республики Вьетнама принадлежит Председателю государства. В его компетенцию входит также принятие решения о ратификации или присоединении к тем международным договорам, которые не должны быть представлены на рассмотрение Народного Собрания (п. 10 ст. 103).

25 декабря 2001 г. Народное Собрание приняло Резолюцию № 51/2001/QН1067, которой был внесен ряд изменений и дополнений в Конституцию 1992 г. Однако и в Резолюции вопрос о соотношении международного и национального права также не нашел своего нормативного закрепления.

14 июня 2005 г. Народное Собрание СРВ приняло Закон «О заключении, присоединении и выполнении международных договоров» [13] (далее Закон о международных договорах). Закон впервые закрепил общий принцип приоритетного применения норм международного договора в случае коллизии с нормами национального права. Однако в Законе отсутствует норма о месте международных договоров в правовой системе Вьетнама.

В литературе дискуссия о необходимости признания международных договоров частью права Вьетнама продолжается в работах многих вьетнамских ученых, в том числе Нгуен Чунг Тин [14], Хоанг Нгок Зао [15], Пуй Суан Ньы [16] и др.

По мнению Нгуен Тхе Сон, в целях обеспечения выполнения международных обязательств Вьетнама, в конституции или законе «О международных договорах» должно быть воспроизведено правило, известное многим государствам, а именно «международное право – это часть *права страны*» (выд. мной. – Ф. Т. Т. Х). После включения в *правовую систему страны* (выд. мной. – Ф. Т. Т. Х), международные договоры становятся ее элементом и в этом качестве обретают способность регулировать отношения с участием юридических и физических лиц, обладая, при этом, приоритетом перед всеми законными и подзаконными нормативно-правовыми актами в иерархической структуре национального права [17].

Признавая международные договоры Вьетнама частью права страны, проф. Хоанг Нгок Зао, однако объясняет это необходимостью показать мировому сообществу решимость со стороны Вьетнама выполнять все взятые на себя международные обязательства [18]. Кроме того, отмечает он, хотя в Конституции Вьетнама и Законе «О международных договорах» пока нет нормы о признании международных договоров Вьетнама частью его *правовой системы* (выд. мной – Ф. Т. Т. Х), существование во многих правовых актах (например, Закон «О заключении, присоединении и выполнении международных договоров» 2005 г., Закон «О мореплавании» 2005 г., Закон «О гражданстве» 1998 г.,

Гражданский кодекс 2005 г. и др.) правила приоритетного применения норм международных договоров в случае коллизии с нормами внутреннего права свидетельствует об одном: признание международных договоров *частью права страны* (выд. мной – Ф. Т. Т. X) [19].

Здесь следует отметить, что большинство вьетнамских ученых употребляет термины «внутреннее право» и «правовая система» как синонимы и нормы международных договоров рассматриваются ими как составную часть вьетнамского права. Однако международное право и право внутригосударственное представляют собой различные системы права.

По мнению Нгуен Чунг Тин, закрепление в действующем законе СРВ «О международных договорах» возможности непосредственного применения международных договоров, положения которых являются ясными и конкретными, свидетельствует о том, что все международные договоры, заключенные Вьетнамом или к которым присоединился Вьетнам, становятся составной частью вьетнамского права [20].

С высказанной точкой зрения трудно согласиться по следующим причинам.

Во-первых, допустим, что признание международного договора непосредственно применимым приведет к автоматически включению норм этого договора во внутреннее право. В этом случае составной частью права Вьетнама становятся только те договоры, положения которых были признаны ясными и конкретными, но не все международные договоры Вьетнама. Многие из них являются несамоисполнимыми, нуждаются в помощи национального права.

Во-вторых, во вьетнамском праве известно много случаев применения во Вьетнаме правил иностранного права. Так, согласно ст. 5 Закона «О торговле» [21], «стороны коммерческой сделки, осложненной иностранным элементом, могут договориться о применении иностранного права или международного обычая, если иностранное право и международный обычай не противоречат основным принципам вьетнамского права». Нормы аналогичного характера закреплены в ст. 5 Закона «Об инвестициях» [22], ст. 14 Закона «О коммерческом арбитраже» 83 и других нормативных актах. Однако прямое действие во Вьетнаме иностранных правовых норм вовсе не означает их включение в состав вьетнамского права. Так же и нормы международного права, даже при непосредственном действии внутри государства, не превращаются в право внутригосударственное; они действуют от своего собственного имени.

Кроме того, нигде в праве СРВ не зафиксировано положения о том, что международные договоры Вьетнама являются составной частью вьетнамского права. Даже в тех государствах, где в основном законе (например, в Конституции Германии, Греции, Португалии и др.) прямо предусмотрено, что общепризнанные нормы международного права являются частью права страны.

Во вьетнамском праве не признаются, (и, по нашему мнению, нет оснований для признания) нормы международных договоров частью права Вьетнама. Международное и вьетнамское право – это две самостоятельные системы права. Государство в силу суверенитета вправе допускать в качестве регулятора внутренних правоотношений нормы международного права.

По вопросу о возможности прямого действия международных норм внутри государства, среди вьетнамских ученых существует несколько точек зрения (от категорического отрицания [23] до положительного ответа [24]).

Против признания международных договоров непосредственно действующими внутри страны выступает Пуй Суан Ньы. Он утверждает, что международные нормы регулируют только межгосударственные отношения. Обязательства, предусмотренные в международных договорах, подлежат выполнению именно государствами как субъектами международного права, а не физическими и юридическими лицами – субъектами внутреннего права [25].

Такого же мнения придерживается проф. Ву Мао. Он считает, что физические и юридические лица не входят в число субъектов международного права и соответственно, не обязаны исполнить международные нормы. Кроме того, по его мнению, закрепление в Законе «О международных договорах» таких способов обеспечения выполнения международных договоров Вьетнама, как внесение изменений и дополнений в действующие

правовые акты, издание нового внутригосударственного акта, полностью отрицает возможности прямого действия международного права во внутренних отношениях [26].

Однако, если сама постановка вопроса о прямом действии норм международного права внутри государства является неприемлемой и необоснованной, как считает проф. Доан Ханг [27], то каким образом можно объяснить существование п. 3 ст. 6 действующего закона СРВ «О международных договорах»?

Не отрицая того факта, что не все международные договоры нуждаются в преобразовании во внутригосударственные акты, чтобы быть исполнимыми, некоторые вьетнамские ученые все-таки не признают возможности их прямого действия внутри государства. Они считают необходимым найти более гибкий и общий подход к проблеме трансформации (transformation) [28]. В качестве решения этой проблемы Ле Тхань Ван предложил «признать ратификацию и утверждение актом трансформационного характера». Он полагает, что «вступившие в силу международные договоры Вьетнама, таким образом, автоматически становятся частью правовой системы Вьетнама и в этом качестве выступают к регулированию внутреннего правоотношения» [29].

Даже после вступления в силу Закона «О международных договорах», в котором предусмотрена возможность непосредственного применения международных договоров внутри государства, некоторые ученые все еще продолжают категорически отрицать возможности прямого действия международных договоров внутри страны и утверждать необходимость их трансформации во внутренние нормы. Правда, смысл «прямое действие» международных договоров иногда толкуется учеными слишком буквально.

Из положения п. 3 ст. 6 Закона «О международных договорах», утверждает Пуй Суан Ньы, видно только одно: даже те международные договоры, положения которых являются ясными и конкретными, тоже нуждаются в трансформации. Их действие распространяется на субъекты внутреннего права только после принятия государственным органом внутреннего правового акта, признающего их непосредственно применимыми. Эти акты и есть акты трансформационные, через которые нормы международных договоров превращаются в нормы права Вьетнама и подлежат применению как другие нормы внутреннего права [30]. С таким мнением трудно согласиться. Международные договоры могут действовать внутри государства с разрешения национального права страны.

Правда, здесь нельзя игнорировать тот факт, что формулировка п. 3 ст. 6 закона «О международных договорах» не является бесспорной и нуждается в совершенствовании. Как пишет Чу Мань Хунг, предназначением п. 3 ст. 6 «было признание возможности непосредственного действия норм международных договоров внутри государства, но в результате получилось, что для непосредственного применения международных договоров необходимо принять внутренний правовой акт, признающий такой договор непосредственно применимым. Звучит противоречиво» [31].

Однако это не дает основания для признания такого внутреннего правового акта документом, имеющим трансформационное значение. По мнению проф. Доан Ханг, само слово трансформация (*chuyển hóa* – transformation) означает «превращение». Однако в действительности же никакого превращения не происходит и не может произойти. Кроме того, нельзя трансформировать правовые нормы, предусматривающие международные обязательства государства – субъекта международного права, в нормы внутригосударственные, которые регулируют правоотношения между физическими и юридическими лицами – субъектами внутреннего права [32].

Вместе с тем, «прямое действие» международных договоров нельзя толковать как действие международных договоров внутри государства помимо его воли. В целях обеспечения согласованности внутренней правовой системы юридическое значение должно придаваться только тем нормам, действие которых было санкционировано государством.

В обеспечении выполнения своих международных обязательств, вытекающих из международных договоров, государство вправе: допускать нормы этого договора, действуя от своего имени, непосредственно регулировать внутренние правоотношения; либо, под ориентиром международных договоров, издать внутренние правовые акты, вносящие изменения и дополнения в действующее право страны. Участвуя в регулировании

внутренних правоотношений наряду с внутренним правом, нормы международных договоров не превращаются в последнее, а действуют от собственного имени.

Что касается соотношения норм международного и национального права, то общее правило разрешения коллизии установлено в п. 1 ст. 6 Закона «О международных договорах», согласно которому в случае международным договором Вьетнама установлены иные правила, чем предусмотренные во внутренних нормативно-правовых актах, применяются правила международного договора. Сходные положения предусмотрены в п. 3 ст. 5 Закона «Об инвестициях», п. 3 ст. 5 Закона от 29 ноября 2005 г. № 50/2005/QH11 «Об интеллектуальной собственности»¹⁰³, п. 3 ст. 3 Закона «О предприятиях», п. 2 ст. 5 Закона «О конкуренции» и других.

Заключение

Поскольку действие Закона «О международных договорах» не распространяется на случаи применения норм, закрепленных в другой форме источников международного права, например, в международных обычаях и актах органов международных организаций, приоритет перед внутренними нормами отдается только нормам международного договора. Практика применения международного права в СРВ подтверждает факт признания примата норм международного договора в случаях коллизии с национальным правом.

Примечания:

1. Pháp lệnh của UBTVQH số 07/1998/PL-UBTVQH10 ngày 20 tháng 8 năm 1998 về ký kết và thực hiện điều ước quốc tế // Công báo số 30 năm 1998. (Бюллетень. – 1998. – № 30).

2. Giáo trình Luật Quốc tế. Trường Đại học Ngoại giao. – Hà Nội, 1979; Giáo trình Luật Quốc tế. Trường Đại học Tổng hợp Hà Nội. – Hà Nội, 1993; Giáo trình Luật Quốc tế. Trường Đại học Luật Hà Nội. – Hà Nội, 1994.

3. Giáo trình Luật Quốc tế. Trường Đại học Tổng hợp Hà Nội. – Hà Nội, 1993. – Tr. 20-24.

4. Đoàn Năng. Xử lý đúng đắn mối quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia. // Nghiên cứu Lập pháp. – 2002. – No 6. – Tr. 3.

5. Bộ Luật hàng hải ngày 30 tháng 6 năm 1990 // Công báo số 15 năm 1990.

6. Luật Quốc tịch Việt Nam ngày 20 tháng 5 năm 1998 // Công báo số 21 năm 1998.

7. Luật Thương mại ngày 10 tháng 5 năm 1997 // Công báo số 13 năm 1997. (Бюллетень. – 1997. – № 13).

8. Báo cáo kết quả nghiên cứu đề tài “Mối quan hệ giữa điều ước quốc tế của CHXHCN Việt Nam và pháp luật Việt Nam” / Tạp chí Thông tin khoa học pháp lý. – Hà Nội. – 1996.

9. Lê Thanh Vân. Một số suy nghĩ về điều ước quốc tế // Nghiên cứu lập pháp. – 2000. – No 2. – Tr. 26-33.

10. Thái Vĩnh Thắng. Mối quan hệ giữa luật quốc gia và pháp luật quốc tế trong xu thế toàn cầu hóa // Tạp chí Luật học. – 2003. – No 2. – Tr. 48-53.

11. Đoàn Năng. Một số ý kiến về mối quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia // Tạp chí Nhà nước và Pháp luật. – 1997. – No 12. – Tr. 37.; Đoàn Năng. Vấn đề quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia trong pháp luật và thực tiễn của Việt Nam // Tạp chí Nhà nước và Pháp luật. – 1998. – No 2. – tr. 28.

12. Hiến pháp Việt Nam năm 1992 // Công báo số 8 năm 1992.

13. Nghị quyết của Quốc hội số 51/2001/QH10 ngày 25 tháng 12 năm 2001 về việc sửa đổi, bổ sung một số điều của Hiến pháp nước Cộng hòa Xã hội Chủ nghĩa Việt Nam năm 1992 // http://moj.gov.vn/vbpq/Lists/Vn%20bn%20php%20lut/View_Detail.aspx?ItemID=22863.

14. Luật 41/2005/QH11 ngày 14 tháng 6 năm 2005 về ký kết, gia nhập và thực hiện điều ước quốc tế // Công báo số 19 năm 2005. (Бюллетень. – 2005. – № 19).

15. Nguyễn Trung Tín. Về sự phụ thuộc lẫn nhau giữa luật quốc tế và luật quốc gia trong bối cảnh hội nhập quốc tế hiện nay // Nhà nước và Pháp luật. – 2006. – No 10. – Tr. 67-71.

16. Hoàng Ngọc Giao. Bàn về việc thực thi điều ước quốc tế. // Nhà nước và Pháp luật. – 2005. – No 3. – Tr. 67-72.

17. Bùi Xuân Nhựt. Vấn đề nhất thể hóa pháp luật và hài hòa hóa pháp luật trong tư pháp quốc tế. // Tạp chí Luật học. – 2007. – No 2. – Tr. 41-50.

18. Báo cáo kết quả nghiên cứu đề tài “Mối quan hệ giữa điều ước quốc tế của CHXHCN Việt Nam và pháp luật Việt Nam” / Tạp chí Thông tin khoa học pháp lý. – Hà Nội. – 1996. – Tr. 27.
19. См.: Hoàng Ngọc Giao. Bàn về việc thực thi điều ước quốc tế // Nhà nước và Pháp luật. – 2005. – No 6. – Tr. 71.
20. Nguyễn Trung Tín. Về sự phụ thuộc lẫn nhau giữa luật quốc tế và luật quốc gia trong bối cảnh hội nhập quốc tế hiện nay // Nhà nước và Pháp luật. – 2006. – No 10. – Tr. 69.
21. Luật Thương mại số 36/2005/QH11 ngày 14 tháng 6 năm 2005 // Công báo số 25 năm 2005.
23. Luật Đầu tư số 59/2005/QH11 ngày 29 tháng 11 năm 2005 // Công báo số 2 năm 2006.
24. Luật Trọng tài thương mại số 54/2010/QH12 ngày 17 tháng 6 năm 2010. // Công báo số 564 năm 2010.
25. Trần Văn Thắng. Mối quan hệ giữa luật quốc tế và luật quốc gia trong pháp luật và thực tiễn các nước // Nhà nước và pháp luật. – 2002. – No 4. – Tr. 68-70; Đoàn Năng. Xử lý đúng đắn mối quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia // Nghiên cứu lập pháp. – 2002. – No 6. – Tr. 3-9; Bùi Xuân Như. Về vấn đề nhất thể hóa pháp luật và hài hòa hóa pháp luật trong tư pháp quốc tế // Tạp chí Luật học. – 2007. – No 2. – Tr. 41-45;
26. Hoàng Ngọc Giao. Bàn về việc thực thi điều ước quốc tế // Nhà nước và pháp luật. – 2005. – No 3. – Tr. 67-72;
27. Bùi Xuân Như. Vấn đề nhất thể hóa pháp luật và hài hòa hóa pháp luật trong tư pháp quốc tế // Tạp chí Luật học. – 2007. – No 2. – Tr. 44.
28. Vũ Mão. Điều ước quốc tế với việc hoàn thiện hệ thống pháp luật Việt Nam trong quá trình hội nhập. Nghiên cứu Lập pháp. – 2005. – No 4. – Tr. 23.
29. Đoàn Năng. Xử lý đúng đắn mối quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia // Nghiên cứu lập pháp. – 2002. – No 6. – Tr. 5.
30. Lê Thanh Vân. Một số suy nghĩ về điều ước quốc tế // Nghiên cứu lập pháp. – 2000. – No 2. – C. 28.
31. Báo cáo kết quả nghiên cứu đề tài “Mối quan hệ giữa điều ước quốc tế của Việt Nam và pháp luật Việt Nam / Tạp chí “Thông tin khoa học pháp lý”. – Hà Nội, 1996. – Tr. 13.
32. Bùi Xuân Như. Vấn đề nhất thể hóa và hài hòa hóa pháp luật trong tư pháp quốc tế // Tạp chí Luật học. – 2007. – No 2. – Tr. 44.
33. Sự phát triển của pháp luật Việt Nam về ký kết và thực hiện điều ước quốc tế // Tạp chí Luật học. – 2006. – No 2. – Tr. 27.
34. Đoàn Năng. Một số ý kiến về mối quan hệ giữa pháp luật quốc tế và pháp luật quốc gia // Nhà nước và Pháp luật. – 1997. – No 12. – Tr. 37.

УДК 341.01

Соотношение международного права и национального права Вьетнама

Фам Тхи Тхань Хуэн

Вьетнамская Юридическая Фирма Indochine Counsel, Вьетнам
кандидат юридических наук,
E-mail: huyen.phamnd@gmail.com

Аннотация. В статье исследованы вопросы соотношения международного и национального права в юридической доктрине Вьетнама. Исследовано большое число норм права СРВ, которые регламентируют вопросы взаимодействия норм различных правовых систем. Большое внимание уделяется изучению проблемам применения международных норм в СРВ.

Ключевые слова: международное право, СРВ, соотношение международного и национального права, дуализм, коллизии.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 3, Is. 1, pp. 14-18, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.14
<http://ejournal41.com>

UDC 341.018

EU Financial Interests' Protection in Polish Republic

Andrew J. Klyuchnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk affiliated branch, Russian Federation
398050, Lipetsk, Internatsionalnaya, str. 3
Assistant Professor, PhD in Law
E-mail: andrew19871961@mail.ru

Abstract

EU imposes the obligation on its Member States to harmonize national law to the European Communities' criminal financial interests protection. In 1995 was adopted the Convention on the protection of the financial interests with protocols. Poland develops its criminal and financial laws in a view to the implementation needs. The article is dedicated to the problems of the EU financial and criminal requirements, to the necessary national legislative changes.

Keywords: European Union, Poland, criminal and financial law, national legislation.

Введение

Вопросы защиты финансовых интересов ЕС недостаточно исследованы в отечественной литературе. В статье предпринята попытка осветить некоторые публично-правовые аспекты соотношения европейского и национального польского права в вопросе защиты доходной и расходной частей бюджетов ЕС и стран-участников, принципов и процедур, ее образующих.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали официальные документы Европейского Союза, Польши, материалы журнальных публикаций.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемный, исторический, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемного и сравнительного подходов. Метод сравнительного правоведения позволяет соотнести нормы европейского и национального права, образующие в совокупности основу защиты общеевропейских финансовых интересов. Применение системного метода делает возможным соотнесение научных подходов, практики применения норм уголовного, уголовно-финансового, уголовно-процессуального права для достижения цели познания общего предмета: финансовые интересы единого наднационального пространства стран-участников ЕС.

Обсуждение

Вступление Польши в Европейский Союз в 2004 г. на основании Договора о присоединении [1] повлекло определенные последствия для польской системы правосудия, в частности, в сфере уголовного права (общего и финансового) и процесса.

В ЕС действует также Конвенция о защите финансовых интересов Европейских Сообществ от 26 июля 1995 г. [2] (далее – Конвенция) вместе с тремя дополнительными протоколами. Особая значимость Конвенции повлекла приспособление к ней права Польши еще до официального вступления в ЕС в рамках гармонизации. Именно по этой причине в обосновании к законопроектам ряда нормативных актов (закон «Об изменении закона – Уголовно-финансового кодекса» от 24 июля 2003 г., закон от 18 марта 2004 г. «Об изменении закона – Уголовного кодекса, закона – Кодекса уголовного производства, закона – Кодекса по делам о проступках, а также закона «Об ответственности налогоплательщиков за деяния, запрещенные под угрозой наказания» от 28 октября 2002 г.) в качестве одной из предпосылок их принятия указана необходимость приспособления национальных правовых актов к требованиям Конвенции и Протоколов.

С учетом действовавшего на тот момент регулирования, Сообщества могли вмешиваться в уголовное законодательство стран-участников на основании ст. 10, ст. 274, ст. 280 Римского договора об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 г. Согласно ст. 274 Договора, государства обязаны сотрудничать в сфере надлежащего расходования бюджета ЕС. При этом на основании ст. 10 Договора, конструирующего принцип лояльности, государства обязаны применять всевозможные общие или специальные средства с целью обеспечения исполнения обязательств, возникающих из договора, или из действий института Сообщества.

В частности, этот принцип был подтвержден в решении Суда ЕС от 16 июня 2005 г. по делу С-105/03 Пупино. Включенный в ст. 280 Договора принцип ассимиляции был выражен в решении от 21 сентября 1989 г. по делу Комиссия против Греции С-68/88 [3] и в решении от 28 августа 1999 г. по делу Нуньез и де Матос С-186/99 [4]. Согласно этому принципу, государства-члены ЕС принимают меры к пресечению финансовых злоупотреблений, нарушающих финансовые интересы Сообществ.

По причине недостатка со стороны Сообществ компетенции в сфере уголовного права и уголовной процедуры специфический характер имели юридические акты, охватывающие сотрудничество полиции и судебных органов в уголовно-правовой сфере. В соответствии с § 2 ст. 34 Договора о Европейском Союзе 1992 г. в указанной сфере принимаются общие позиции, рамочные решения, решения и конвенции.

Конвенция принималась на основании ст. К. 3 Договора о ЕС. Она была дополнена Протоколом от 27 сентября 1996 г. и Протоколом от 29 ноября 1996 г., которые вступили в силу лишь 17 октября 2002 г., то есть вместе с конвенцией. Кроме того, 19 июня 1997 г. был подписан Третий протокол.

Первый из упомянутых протоколов регулирует вопросы, связанные с актами «коррупции с участием государственных чиновников и чиновников Сообществ, которые вредят или могут навредить финансовым интересам Европейских Сообществ». Его целью является улучшение эффективности борьбы с преступлениями, угрожающими финансовым интересам Сообществ, коррупции среди должностных лиц Европейских Сообществ. В Протоколе сформулированы термины «должностное лицо», «пассивная и активная коррупция».

Второй протокол закрепил за Судом ЕС компетенцию на толкование Конвенции и Первого Протокола. В соответствии со ст. 2, национальный суд может обратиться в Суд ЕС с запросом по разъяснению Конвенции и Первого Протокола, если установит, что решение Суда необходимо для правильного разрешения дела. При этом участники такого судопроизводства не могут ссылаться на положения Конвенции и ее Протоколов, а только на внутренние акты, в которые трансформирована Конвенция.

Третий Протокол ввел термин «отмывание доходов», «нарушитель финансовых интересов Европейских Сообществ», закрепил ответственность юридических лиц за мошенничество, активную коррупцию [10].

ЕС накладывает обязанность приспособления национальных правовых порядков к Конвенции также на страны-кандидаты, желающие вступить в ЕС. Конвенция была

подписана с целью установления общих для государств-членов принципов преследования и наказания лиц, виновных в совершении преступлений, направленных против доходов общего бюджета ЕС или бюджетов, которыми распоряжается ЕС или от их имени иные лица, государства-участники [10. С. 76-81].

В Конвенции раскрыто действие единого для правопорядков стран-участников ЕС принципа *ne bis in idem*, а также порядок разрешения споров между странами-участниками о применении Конвенции.

Таким образом, основу защиты единых финансовых интересов ЕС составляют именно национально-правовые акты. В Польше в Кодекс уголовного производства 1997 г. (КУП) [5], Уголовный финансовый кодекс 1999 г. (УФК) [6] были введены унифицированные положения, касающиеся принципов уголовной ответственности, определения финансового мошенничества, наказуемости исполнителей, уголовной ответственности руководителей организаций, юрисдикции и наказаний, экстрадиции и взаимного сотрудничества.

Закрепленное в ст. 1 Конвенции понятие мошенничества трансформировано в польский УФК в качестве комплексного института. Оно может совершаться в отношении специального предмета (доходы и расходы), определенными законом способами (использование, представление подложных или недостоверных документов, сокрытие информации о принятых обязательствах, неправомерное использование денежных средств фондов и т.д.).

УФК вводит градацию санкций: в случае совершения «тяжких финансовых преступлений» (на сумму до 50 000 евро) норма уголовного закона предусматривает наказание в виде лишения свободы, которая в свою очередь, составляет основу экстрадиции. В случае совершения «финансовых преступлений небольшой тяжести» (до 4 000 евро) в национальном польском законодательстве предусмотрены альтернативные лишению свободы меры наказания: штраф, лишение права на государственную поддержку, судебный присмотр за хозяйственной деятельностью юридического лица, ликвидация юридического лица в судебном (принудительном) порядке.

Раздел 13 КУП (международное сотрудничество) закрепляет правило, что в случае, когда мошеннические действия касаются, по меньшей мере, двух государств, они должны сотрудничать в сфере преследования, осуществления уголовного производства (создание совместных следственных групп), исполнения наказания, выдачи (в частности, более прогрессивный механизм ордера на арест), исполнения решений иностранных судов [11].

С целью реализации международных обязательств, принятых на себя Польшей, в 2002–2004 годах была проведена реформа польского уголовного законодательства. Большинство изменений внесено в Уголовно-финансовый кодекс законом от 24 июля 2003 г., закреплено правило, согласно которому, если совершено запрещенное УФК деяние, ущемляющее финансовые интересы Польши либо ЕС, то производство осуществляется по правилам КУП, но с особенностями, закрепленными в УФК [7. С. 23].

До принятия указанного закона регулирование в сфере уголовно-правовой защиты финансовых интересов Польши осуществлялось только применительно к собственным гражданам и только в территориальных пределах государства. В связи с необходимостью приспособления норм уголовно-финансового законодательства к требованиям Конвенции было необходимо расширить сферу национальной юрисдикции и сферы уголовно-финансовой охраны. Изменения были введены как в Общую часть УФК, так и в Особенную (разделы 6 и 7).

В соответствии с § 3а ст. 3 УФК независимо от правил, действующих в месте совершения преступления, правила кодекса распространяются также на польских граждан в случае совершения за границей финансового преступления, указанного в разделе 6 и 7 УФК, направленных против существующих финансовых интересов Сообществ. Положение § 5 ст. 3 УФК устанавливает, что правила Кодекса распространяются также на польских граждан, иностранцев, прибывших на территорию Республики Польша в целях склонения или оказания помощи в совершении за границей финансового преступления.

Оба этих правила дополнили три ранее действующих принципа наложения уголовной финансовой ответственности: § 2 (принцип территориальности), § 3 (принцип усиленной ответственности) и § 4 (распространение польской юрисдикции на преступления,

выявленные на границе или в результате ревизионной или контрольной деятельности компетентным польским правоохранительным органом).

В УФК введен термин «доходы, поступающие из иных источников». Под ними, в частности, понимаются платежи, образующие доходную часть единого бюджета ЕС, либо бюджета, которым ЕС распоряжается, связывающие правила Польской Республики с правом ЕС, и являющиеся предметом финансового преступления либо финансового проступка» (§ 26а ст. 53 УФК). Под налогоплательщиком стал пониматься также субъект, обязанный уплатить платежи, указанные в § 26а ст. 53 УФК (составляющие доходную часть унифицированного бюджета ЕС, либо бюджета, которым ЕС, его органы правомочны распоряжаться (§ 30а ст. 53 УФК).

В Особенной части кодекса единое понятие «европейское мошенничество» отсутствует. Однако предметно конвенционные правила распространяются на нормы ст. 54 (уклонение от уплаты налогов), ст. 55 («подставная фирма»), ст. 56 (представление фискальному органу ложных сведений), ст. 76 (необоснованный возврат части уплаченных налогов), ст. 82 (снижение или нецелевое использование дотаций или субвенций), ст. 86 (контрабанда), ст. 87 (мошенничество), ст. 88 (нарушение принципов выдачи временных разрешений), а также ст. 92 (сокрытие или введение в заблуждение относительно подлежащих уплате таможенных платежей) УФК.

Изменений не последовало в правила кодекса о стадиях производства (ст. 21 УФК), исполнители и соучастии (§ 1 ст. 9, ст. 20 УФК в соответствии с § 2 и 3 ст. 18 УФК), хотя Конвенция необходима изменения закрепляла.

Что касается уголовной ответственности, то в соответствии с законом от 28 июля 2005 г. санкции статей были усилены. За исключением финансовых проступков § 1 ст. 82 и § 1 ст. 88 УФК, указанные выше преступления находятся под угрозой наказания в виде лишения свободы, но с альтернативным наказанием в виде штрафа. В случае, когда совершенное деяние является «тяжким финансовым преступлением» (предпосылки определены в ст. 37 УФК: умысел, неоднократность, рецидив, соучастие), кодекс на основании ст. 38 УФК предоставляет возможность применить меру в виде чрезвычайного усиления наказания в виде лишения свободы, даже если санкция Особенной части его не предусматривает.

Ряд государств расширили сферу действия Конвенции, например, посредством введения уголовной ответственности юридических лиц [8. С. 945]. В УФК на сегодняшний день заложены лишь предпосылки ее введения.

Как отметила Еврокомиссия [9], Польша Конвенцию имплементировала не в полном объеме, в частности, не закреплены различные виды мошенничества (например, кредитное), не развиты процедурные вопросы, касающиеся защиты финансовых интересов ЕС в части общих расходов, что потребует усилий польского законодателя.

Заключение

Таким образом, в рамках Европейского Союза создана система защиты финансовых интересов средствами уголовного, уголовно-процессуального права, в том числе посредством межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем, законодательство в этой части стран-участников ЕС окончательно не унифицировано, требуется введение единых принципов, понятий, санкций, единых правил процедуры.

Примечания:

1. Akt dotyczący warunków przystąpienia Republiki Czeskiej, Republiki Estońskiej, Republiki Cypryjskiej, Republiki Łotewskiej, Republiki Litewskiej, Republiki Węgierskiej, Republiki Malty, Rzeczypospolitej Polskiej, Republiki Słowenii i Republiki Słowackiej oraz dostosowań w Traktatach stanowiących podstawę Unii Europejskiej z dnia 16 kwietnia 2003 r. // Dz.U. z 2004 r., Nr 90, poz. 864.

2. O ratyfikacji Konwencji o ochronie interesów finansowych Wspólnot Europejskich, sporządzonej w Brukseli dnia 26 lipca 1995 r.: ustawa z dnia 22 października 2004 r. // Dz. U. № 273. Poz. 2699.

3. Case C-68/88 Commission v Greece [1989] ECR 2965.

4. Case C-186/99 Criminal proceedings v Maria Amélia Nunes and Evangelina de Matos [1999] ECR 4883.

5. Kodeks postępowania karnego : ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. // Dz. U. № 89. Poz. 555.
6. Kodeks karny skarbowy : ustawa z dnia 10 września 1999 r. // Dz. U. № 111. Poz. 765.
7. Ключников А.Ю. Производство по уголовным делам в судах второй инстанции Республики Польша и Польша и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): монография. Воронеж, 2013. С. 23.
8. Бирюков П.Н. Об уголовной ответственности юридических лиц в международном праве и законодательстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 5.
9. Raport Komisji z dnia 22 lipca 2014 r. sporządzony dla Parlamentu Europejskiego i Rady, dotyczący ochrony interesów finansowych Wspólnot Europejskich [SEC(2014) 2300].
10. Бирюков П.Н. Проблемы выявления, замораживания и конфискации доходов от преступной деятельности в ЕС // Российский юридический журнал. 2009. № 6. С. 76-81.
11. Бирюков П.Н. Европейский доказательственный ордер // Российский судья. 2010. № 5. С. 23-28.

References:

1. Akt dotyczący warunków przystąpienia Republiki Czeskiej, Republiki Estońskiej, Republiki Cypryjskiej, Republiki Łotewskiej, Republiki Litewskiej, Republiki Węgierskiej, Republiki Malty, Rzeczypospolitej Polskiej, Republiki Słowenii i Republiki Słowackiej oraz dostosowań w Traktatach stanowiących podstawę Unii Europejskiej z dnia 16 kwietnia 2003 r. // Dz.U. z 2004 r., Nr 90, poz. 864.
2. O ratyfikacji Konwencji o ochronie interesów finansowych Wspólnot Europejskich, sporządzonej w Brukseli dnia 26 lipca 1995 r.: ustawa z dnia 22 października 2004 r. // Dz. U. № 273. Poz. 2699.
3. Case C-68/88 Commission v Greece [1989] ECR 2965.
4. Case C-186/99 Criminal proceedings v Maria Amélia Nunes and Evangelina de Matos [1999] ECR 4883.
5. Kodeks postępowania karnego : ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. // Dz. U. № 89. Poz. 555.
6. Kodeks karny skarbowy : ustawa z dnia 10 września 1999 r. // Dz. U. № 111. Poz. 765.
7. Ключников А. Ю. Производство по уголовным делам в судах второй инстанции Республики Польша и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): монография. Воронеж, 2013.
8. Biriukov P. N. Ob ugodovnoi otvetstvennosti juridicheskikh lic v mezhdunarodnom prave i zakonodatel'stve RF // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2014. N 5.
9. Raport Komisji z dnia 22 lipca 2014 r. sporządzony dla Parlamentu Europejskiego i Rady, dotyczący ochrony interesów finansowych Wspólnot Europejskich [SEC(2014) 2300].
10. Biriukov P. N. Problemy vyjavlenia, zamorazhivania i konfiskacii dohodov ot prestupnoy dejatel'nosti v ES // Rossiyskiy juridicheskii zhurnal. 2009. № 6. С. 76-81.
11. Biriukov P. N. Evropeyskiy dokasatel'stvennyi order // Rossiyskiy sud'ja. 2010. № 5. S. 23-28.

УДК 341.018

Защита общеевропейских финансовых интересов в Польской Республике

Андрей Юрьевич Ключников

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация
398050, Липецк, ул. Интернациональная, 3
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: andrew19871961@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам защиты финансовых интересов Евросоюза в аспекте уголовного и уголовно-процессуального права. В статье раскрываются проблемы необходимых поправок в уголовный финансовый и процессуальный кодексы Польши, требований ЕС к гармонизации в рассматриваемой сфере.

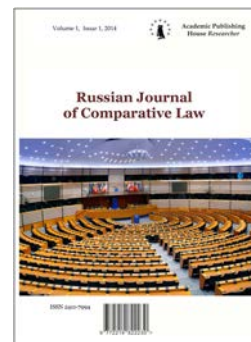
Ключевые слова: Европейский Союз, Польша, национальное право, уголовный процесс, финансовое право.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 3, Is. 1, pp. 19-23, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.19
<http://ejournal41.com>

UDC 341.01

Entry Into Force of the Judgment by the Criminal Procedure Code of the Czech Republic

Aleksandr A. Sizov

Kursk Institute of social education (branch of the institute RSSU (Russian State Social University)),
Russian Federation
305029, Kursk, ul. K. Marksa, 53
PhD of Legal Sciences, Associate Professor
E-mail: sizov46@yandex.ru

Abstract

This article brings to light the activity of the courts of the Czech Republic. The author provides a number of norms which regulate criminal proceedings of the Czech courts. The author analyzes the operation of the judges and others subjects to act in sphere of criminal verdicts.

Keywords: Czech Republic, the courts of the Czech Republic, Code of Criminal Procedure, criminal proceedings, the verdict

Введение

Правила вынесения приговора и его содержание в Чехии определяются в УПК Республики [1]. Чешский суд [4. С. 12-20] постановляет свое решение в форме приговора там, где это прямо предусмотрено УПК. В остальных случаях суд выносит определение.

Обсуждение

Согласно § 139 УПК, приговор вступает в законную силу и, если закон не предусматривает другого, становится исполнимым, если:

- а) по закону он не подлежит апелляционному обжалованию;
- б) по закону он хотя и подлежит апелляционному обжалованию, но:
 - апелляционная жалоба в срок подана не была;
 - уполномоченные лица отказались от апелляционной жалобы или определенно взяли ее обратно либо
 - поданная апелляционная жалоба была оставлена без движения.

Особенностью чешского УПК является следующее правило. Апелляционная жалоба, поданная только потерпевшим, и апелляционная жалоба, поданная только гражданским ответчиком, на часть приговора не препятствуют тому, чтобы остальные части приговора вступили в законную силу и были приведены в исполнение. Равно как апелляционная жалоба, касающаяся только кого-либо одного из нескольких подсудимых (УК Чехии [2]), не препятствует тому, чтобы приговор в отношении остальных подсудимых вступил в законную силу и был приведен в исполнение.

Если срок для подачи апелляционной жалобы был пропущен, но лицом было подано заявление о восстановлении срока, приговор не может быть приведен в исполнение до вступления в законную силу решения по этому заявлению.

Обжалование определения суда

В § 140 УПК регламентируются законная сила и исполнимость определения суда. Определение вступает в законную силу и становится исполнимым, если:

- а) по закону оно обжалованию не подлежит,
- б) по закону оно хотя и подлежит обжалованию, но:

- жалоба в срок подана не была,

- управомоченные лица от жалобы прямо отказались или определенно отозвали ее,

или

- поданная жалоба была оставлена без последствий.

Определение является исполнимым, хотя бы еще не вступило в законную силу, если по закону оно хотя и подлежит обжалованию, но обжалование не имеет приостанавливающего действия.

Жалоба, касающаяся только кого-либо одного из нескольких лиц или какого-либо одного из нескольких предметов, о которых было решено тем же определением, не препятствует (даже в случае, когда она пользуется приостанавливающим действием) тому, чтобы определение вступило в законную силу и было приведено в исполнение в остальных частях, если их можно отделить.

Если срок для подачи жалобы, пользующейся приостанавливающим действием, был пропущен, но лицом было подано заявление о *tuj* восстановлении, определение не может быть приведено в исполнение до вступления в силу решения по этому заявлению.

Средства обжалования

Согласно § 141 УПК средством обжалования определения служит жалоба. Жалоба может быть подана на каждое определение следователя [8] или сотрудника полиции [3]. Определения суда и прокурора [5] подлежат обжалованию только в тех случаях, когда закон это прямо допускает и если они постановляют решение в первой ступени.

На решение Генерального прокурора можно подать жалобу, о решении о наложении ареста на имущество в соответствии с § 146а УПК [6]. Решение по такого рода жалобе принимает решение Верховный суд.

Жалоба имеет приостанавливающее действие только в тех случаях, когда закон это прямо предусматривает.

В § 142 УПК определяются лица, управомоченные на подачу жалобы. Если закон не устанавливает иного, жалобу может подать лицо, которого определение касается непосредственно или которое дало импульс к определению своим заявлением, на которое закон его управомачивает; определение суда может обжаловать также прокурор, но только в пользу обвиняемого. Определение о заключении под стражу и об охранном лечении в пользу обвиняемого могут обжаловать также лица, которые могли бы подать в его пользу апелляционную жалобу.

В § 143 УПК подробно регламентированы срок и орган, в который подается жалоба. Жалоба подается в орган, против определения которого она направлена в срок до трех дней со дня сообщения определения (§ 137 УПК). В случае, если определение сообщается как обвиняемому, так и его законному представителю либо защитнику [7], срок начинает течь со дня того сообщения, которое было направлено позднее остальных.

Для лиц, которые согласно части 2 § 142, могут подать жалобу в пользу подсудимого, срок для подачи жалобы истекает в тот же день, что и для подсудимого. Это правило, однако, не распространяется на прокурора.

Управомоченное лицо может прямо отказываться от подачи жалобы или отозвать поданную жалобу, поскольку по ней еще не было постановлено решение. Жалобу прокурора может отозвать и вышестоящий прокурор.

Жалоба, поданная в пользу обвиняемого другим управомоченным лицом, или за обвиняемого защитником или законным представителем, может быть отозвана только с прямого согласия обвиняемого. Однако прокурор может снять такую жалобу и без согласия

обвиняемого. В этом случае новый срок для подачи жалобы течет для обвиняемого с момента сообщения, что жалоба была отозвана.

В § 145 УПК определены основания для подачи жалобы. Определение можно обжаловать: а) ввиду неправильности какого-либо его вывода, или б) ввиду нарушения постановлений о производстве, предшествовавшем определению, если это нарушение могло причинить неправильность какого-либо вывода определения. В жалобе можно указать новые факты и доказательства, не бывшие предметом исследования в первой инстанции.

Орган, против определения которого направлена жалоба, может удовлетворить ее сам, если изменение первоначального определения не коснется прав другого лица. Если дело касается определения органа расследования, которое было постановлено с предварительного согласия прокурора или по его указанию, орган расследования может удовлетворить жалобу сам только с предварительного согласия прокурора (§ 146).

Если срок для подачи жалобы уже истек для всех управомоченных лиц и жалоба не была удовлетворена, дело представляется для постановления решения:

а) органом расследования прокурору, осуществляющему надзор за органом расследования, а если дело касается жалобы на определение, на которое этот прокурор дал согласие или указание, то при его посредстве вышестоящему прокурору;

б) прокурором вышестоящему прокурору;

в) председателем сената районного суда вышестоящему областному суду, председателем сената областного суда Высокому суду (их в Чехии два) и председателем сената Высокого суда Верховному суду. При этом он вручает, если это необходимо, копию жалобы прокурору и лицу, которое могло бы быть решением по жалобе непосредственно затронуто.

Содержание решения по жалобе

В §146а УПК регламентировано содержание решения по жалобе на решение о наложении ареста на имущество. Речь идет о жалобе на решение, которым: а) прокурор наложил арест на имущество обвиняемого, чтобы обеспечить пребывание потерпевшего (§ 77); б) прокурор наложил арест на имущество обвиняемого (§ 347). Эти вопросы входят в компетенцию суда, в районе которого работает прокурор, который обжалуемое решение принял.

При постановлении решения по жалобе вышестоящий орган проверяет: а) правильность всех выводов обжалованного определения, которые жалобщик может обжаловать; и б) производство, предшествующее обжалованному определению (§ 147).

Если жалоба касается кого-либо одного из нескольких лиц или какого-либо одного из нескольких дел, по которым было постановлено решение тем же определением, вышестоящий орган пересматривает только правильность выводов, касающихся этого лица или этого дела и производство, предшествующее пересматриваемой части определения.

Вышестоящий орган оставляет жалобу без последствий, если: а) она недопустима; б) была подана с пропуском срока, лицом неправомочным, лицом, которое прямо отказалось от ее подачи или которое снова подало жалобу, которую уже перед этим прямо отозвало, или в) она не обоснована (§ 148 УПК). При этом не может быть оставлена без последствий как поданная с пропуском срока жалоба, которую правомочное лицо подало с пропуском срока только потому, что руководствовалось неправильными указаниями, данными ему при сообщении определения.

Согласно § 149 УПК, вышестоящий орган вправе отменить обжалованное определение, а если по характеру дела необходимо новое решение, то, или а) сам постановить решение по делу, или б) поручить органу, решение которого было обжаловано, чтобы тот снова рассмотрел дело и постановил по нему решение.

Суд, рассматривающий жалобу на определение о прекращении уголовного преследования, может также (если это для надлежащего объяснения дела необходимо), при отмене определения вернуть дело прокурору на доследование. Однако это возможно лишь в случае, когда уголовное преследование было прекращено после предания обвиняемого суду (§ 223, 231 УПК).

Если порочной является только часть обжалованного определения и можно ее отделить от остальных частей или же если жалоба касается только части определения (ч. 2

§ 147), вышестоящий орган выносит свое решение только относительно этой части. Если порок заключается в том, что в обжалованном "определении какой-либо вывод отсутствует или является неполным, вышестоящий орган может, не отменяя обжалованного определения, или сам его дополнить, или же поручить органу, против решения которого направлена жалоба, чтобы он принял решение об отсутствующем выводе или неполный вывод дополнил".

Суд, постановляющий решение по жалобе, может (если посчитает это необходимым), распорядиться, чтобы дело было снова рассмотрено в первой инстанции но в другом составе судей либо другим судом того же вида и той же ступени в его округе.

Орган, которому было возвращено дело на новое рассмотрение и постановление решения, при новом постановлении решения связан юридической точкой зрения, высказанной по делу вышестоящим органом, и обязан произвести действия, о проведении которых этот орган распорядился.

Орган, постановляющий решение по жалобе, не может на основании этой жалобы изменить определение во вред лицу, которое жалобу подало или в пользу которого жалоба была подана (§ 150 УПК). Если вышестоящий орган изменит определение в пользу обвиняемого по основаниям, которые говорят также в пользу другого обвиняемого по тому же делу, он должен улучшить и его положение, изменив определение.

Заключение

Таким образом, УПК Чехии подробно регламентирует деятельность действия по обжалованию приговора суда. Некоторые положения чешского УПК в этой области могут быть восприняты и в РФ.

Примечания:

1. Zákon č. 141/1961 Sb., O trestním řízení soudním (trestní řád), ve znění zákona č. 265/2001 Sb. // URL: <http://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=141&r=1961>.

2. Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestni zakonik // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.

3. Zákon ze dne 17. července 2008 o Policii České republiky // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273>.

4. Бирюков П.Н. Суды общей юрисдикции Чешской Республики // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2012. № 6. С. 12-20.

5. Бирюков П.Н. Роль прокуратуры в уголовном процессе Чехии // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 96-103.

6. Бирюков П.Н. О прокуратуре Чешской Республики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 6. С. 14-17.

7. Тимофеева А.В. Участие адвоката в уголовном процессе в Чешской Республике // Евразийская адвокатура. 2013. № 4 (5).

8. Ekaterina A. Khalapyan. Some Peculiarities of Preliminary Investigation in Czech Republic // Вестник полиции, 2015, Vol.(3), Is. 1, pp. 17-22.

References:

1. Zákon č. 141/1961 Sb., O trestním řízení soudním (trestní řád), ve znění zákona č. 265/2001 Sb. // URL: <http://www.psp.cz/sqw/sbirka.sqw?cz=141&r=1961>.

2. Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestni zakonik // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.

3. Zákon ze dne 17. července 2008 o Policii České republiky // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273>.

4. Biriukov P. N. Sudy obshchei yurisdiktsii Cheshskoi Respubliki // Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2012. № 6. S. 12-20.

5. Biriukov P. N. Rol' prokuratury v ugovolnom protsesse Chekhii // Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess. 2013. № 2. S. 96-103.

6. Biriukov P. N. O prokurate Chekhskoi respubliki // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaja yusticia. 2014. № 6. S. 14-17.

7. Timofeeva A. V. Uchastie advokata v ugovnom protsesse v Cheshskoi Respublike // Evraziiskaya advokatura. 2013. № 4 (5).

8. Ekaterina A. Khalapyan. Some Peculiarities of Preliminary Investigation in Czech Republic // Vestnik policii, 2015, Vol.(3), Is. 1, pp. 17-22.

УДК 341.01

Вступление в силу приговора по УПК Чехии

Александр Александрович Сизов

Курский институт социального образования (филиал РГСУ), Российская Федерация
305029, Курск, ул. К. Маркса, 53
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: sizov46@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы вступления в силу приговоров чешских судов. Автор подробно характеризует процедуру вступления в силу приговора в Чехии. Большое внимание уделяется обжалованию приговора.

Ключевые слова: Чехия; суды Чехии, УПК Чехии, приговор, обжалование.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 3, Is. 1, pp. 24-28, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.24
<http://ejournal41.com>

UDC 341.018

To the Defenition «Information Security» under Ukrainian Law

Olga G. Turchenko

Donetsk National University, Ukraine
600-s anniversary str., 21, Vinnytsa, 21021
PhD of Law, Associated Professor
E-mail: adzzura@yandex.ru

Abstract

This article provides an analysis of the different approaches to the definition of «information security» and suggests the author's definition of the concept in the context of international security. Accordingly, information security is proposed to determine as a component of the security of the state, the condition of security of the person, the society and the state, under which the information development (technical, intellectual, social and political, moral and ethical), under which the negative extraneous informative-psychological and informative-technical influence through the incompleteness, delays and unreliability of the information used, unauthorized distribution, use, and violation of the integrity, confidentiality and availability of information does not cause its significant harm.

Keywords: information environment, information security, national security, international information security.

Введение

Использование информационных технологий предопределяет структуру и качество вооружений, необходимый уровень их достаточности, эффективность действий вооруженных сил. Возможность идентификации научно-технических и экологических проблемы, осуществления мониторинга их развития и прогнозирования последствий непосредственно зависит от эффективности используемой информационной инфраструктуры. В связи с происходящими изменениями информационная безопасность, являясь неотъемлемой составляющей каждой из сфер национальной безопасности, становится важной самостоятельной сферой обеспечения национальной безопасности.

Еще в 1998 г. Резолюция ГА ООН 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» предлагала государствам - членам ООН продолжить обсуждение вопросов информационной безопасности, дать конкретные определения угроз, предложить свои оценки проблемы, включая разработку международных принципов обеспечения безопасности глобальных информационных систем. Аналогичная Резолюция ГА ООН 54/49 от 1 декабря 1999 г. впервые указала на угрозы международной информационной безопасности применительно не только к гражданской, но и к военной сфере.

Возросший интерес к информационной безопасности на сегодняшний день может быть подтвержден также принятым на уровне руководства НАТО решением об усилении внимания к проблеме обеспечения информационной безопасности и способности вести информационные войны, обусловленным возросшей активностью потенциальных противников блока и стремлением организации соответствовать уровню возросших угроз кибербезопасности; акцентировании НАТО на трансграничной природе угроз информационной безопасности и возникающих в этой связи проблемах координации действий на наднациональном уровне; наличием служб информации в практически во всех международных организациях, в том числе и военных [1].

Анализ действующего законодательства Украины свидетельствует о значительных проблемах в правовом обеспечении системы информационной безопасности: отсутствие разработанного и нормативно-закрепленного понятийного аппарата в этой сфере, нет четко определенных признаков основных угроз в национальном сегменте киберпространства, отсутствуют унифицированные составы киберпреступности и т.д.

Материалы и методы

Данная статья подготовлена на основе анализа научной литературы, актов права ЕС, законодательства Украины, зарубежных стран. Информационная безопасность – явление полиморфное, поэтому более адекватным гносеологическим инструментарием представляется синергетика. Именно синергетика позволяет изучать колебательный характер развития нелинейных систем. Знание глобальных закономерностей даст возможность правильно сориентироваться в историческом аспекте, определить, на каком моменте развития – расхождения или сближения, дифференциации или унификации – находится система безопасности.

Обсуждение

Анализ научной литературы, актов права ЕС, законодательства Украины, зарубежных стран позволяет выделить несколько основных подходов к содержанию понятия информационной безопасности.

1. Понятие информационной безопасности как состояния информационной сферы общества (информационной среды общества); состояние защищенности информации (информационного пространства); жизненно важных интересов личности, общества, государства от разного рода угроз. Так, российские ученые В.Д. Курушин и В.А. Минаев понимают информационную безопасность как «состояние информационной сферы общества, обеспечивающие ее формирование и развитие в интересах граждан, организаций, государства» [2. С. 141]. Сходное мнение высказывает И. Панарин, определяя информационную безопасность как «состояние информационной среды общества и политической элиты, обеспечивающее ее формирование и развитие в интересах руководства государства, граждан и общества» [3. С. 128]. Аналогично трактуют информационную безопасность и украинские юристы (И.М. Колодий, В.Н. Брижко, О.М. Гальченко, О.А. Орехов, А.М. Чернобров, М.В. Гуцалюк, Н.А. Гайсенюк).

В соответствии с Принципами, касающимися международной информационной безопасности, которые отражены в докладе Генерального секретаря ООН от 10 июня 2000 г. под информационной безопасностью понимаются «достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности». Это – состояние защищенности основных интересов личности, общества и государства в информационном пространстве, включая информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию в отношении таких ее свойств, как целостность, объективность, доступность и конфиденциальность.

«Основные принципы развития информационного общества в 2007–2015 годах», утвержденные Законом Украины от 09.01.2007 г. [4], аналогично определяют информационную безопасность. При этом должны предотвращаться нанесение вреда через: неполноту, несвоевременность и недостоверность используемой информации; негативное информационное влияние; негативные последствия применения информационных технологий; несанкционированное распространение, использование и нарушение целостности, конфиденциальности и доступности информации.

2. Информационная безопасность трактуется как составляющая национальной безопасности. Для этого подхода характерным является сочетание в определении понятий «состояние» и «способность».

Национальная безопасность как правовое понятие имеет определенную универсальность, выражающую идею единства состояний безопасности. Это единство и служит основой для наработки как национальных, так и международных правовых систем. Таким образом, национальная безопасность, характеризуясь таким важным фактором, как единство, всегда является полипредметной. Это противоречие устраняется путем правового отображения угрозы безопасности, ее размеров и законодательной фиксации способов реагирования на угрозу, а также определением компетенции органов власти в этом процессе [5. С. 12]. Относительно определения понятия национальной безопасности, то, по мнению В.М. Богуша, национальная безопасность - категория, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования личности и общества. Суть национальной безопасности в противодействии и компенсации любых деструктивных замешательств, возникающих в общества или за его пределами, которые наносят вред потребностям жизнедеятельности и развития общества и личности. В национальной безопасности выделяют уровни безопасности: личности, общества и государства [6].

Именно такой подход к пониманию информационной безопасности отражен в законодательстве Украины. „Концепция (основы государственной политики) национальной безопасности Украины” от 16 января 1997 года, утратившая силу по Закону Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 года [7], определяла национальную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов лица, общества и государства от внутренних и внешних угроз, необходимое условие сохранения и приумножения духовных и материальных ценностей. Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины» от 19 июня 2003 года расширил такую трактовку национальной безопасности: „национальная безопасность - это защищенность жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства, при котором обеспечиваются устойчивое развитие общества, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализация реальных и потенциальных угроз национальным интересам”.

Доктрина информационной безопасности, утвержденная Указом Президента Украины № 514 от 08.07.2009 г. устанавливает, что информационная безопасность является неотъемлемой составляющей каждой из сфер национальной безопасности и при этом важной самостоятельной сферой обеспечения национальной безопасности.

3. Информационная безопасность рассматривается как общественные отношения по созданию и поддержанию на осознанном, надлежащем уровне функционирования соответствующей автоматизированной информационной системы (в частности систем телекоммуникаций); комплекс организационных, правовых и инженерно-технологических (технических и программно-математических) мер по поддержанию (охране, защите, сохранению), предупреждению и преодолению естественных, техногенных и социогенных угроз, способных нарушить жизнедеятельность конкретной социотехнической информационной системы [8. С. 91].

4. Информационная безопасность определяется через комплекс прав человека: во-первых, это комплекс прав человека свободно, беспрепятственно, на свое усмотрение быть субъектом информационных процессов: искать, получать и распространять информацию, причем это право не ограничивается территориально государственными границами и не связано с территориальной юрисдикцией государства. И во-вторых, это комплекс прав человека на защиту от неправомерного информационного вмешательства, т.е. право на конфиденциальность информации о личной жизни и право на защиту от распространения вымышленной и искаженной информации, причиняющей вред его чести и репутации (А.И. Марущак).

При рассмотрении понятия информационной безопасности необходимо рассматривать три ее разновидности: информационную безопасность лица, общества и государства. Такое разграничение предопределяется не только различием задач, разрешаемых для обеспечения безопасности этих субъектов.

Главным фактором является разная природа норм права, которые признают основные параметры безопасности этих субъектов. Информационная безопасность человека базируется на нормах естественного права, которыми определяются ее неотъемлемые права и свободы, в то же время параметры информационной безопасности государства базируются на нормах позитивного права, которые самим государством и устанавливаются.

Информационная безопасность лица и общества между собой тесно связаны. Информационная безопасность общества и его отдельных личностей зависит от уровня интеллектуальности, специальной теоретической и практической подготовки; критического мышления, морального и духовного совершенствования; гармоничного развития личности в обществе, технических средств защиты.

Заключение

Информационную безопасность необходимо определить как составляющую национальной безопасности, состояние защищенности лица, общества и государства, при котором достигается информационное развитие (техническое, интеллектуальное, социально-политическое, морально-этическое), при котором негативные посторонние информационно-психологические и информационно-технические влияния через неполноту, несвоевременность и недостоверность используемой информации, несанкционированное распространение, использование и нарушение целостности, конфиденциальности и доступности информации не наносят им существенного вреда.

Примечания:

1. Кванталиани И.Э. Деятельность Организации североатлантического договора (НАТО) в сфере обеспечения информационной безопасности // Правовая инициатива. 2012. № 3. URL: <http://49e.ru/en/node/265>
2. Курушин В.Д., Минаев В.А. Компьютерные преступления и информационная безопасность: Справочник. М., 1998. 630 с.
3. Панарин И. Технология информационной войны. М., 2003. 400 с.
4. Про Основні засади розвитку інформаційного суспільства в 2007-2015 роках: Закон України від 09.01.2007 р. // Відомості Верховної Ради України. 2007. № 12. Ст. 102.
5. Кочетков А.П., Мехед Н.Г. Современная Россия: ключевые проблемы безопасности // Власть. 2008. № 10. С. 12-19.
6. Гончаренко А., Джангужин Р., Лисицын Э. Гражданский контроль и система национальной безопасности // Зеркало недели. 2002. № 35. 14 сентября.
7. Про основи національної безпеки України: Закон України від 19 червня 2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. № 39. Ст. 351.
8. Цимбалюк В.С. Інформаційна безпека підприємницької діяльності: визначення сутності та змісту поняття за умов входження України до інформаційного суспільства (глобальної кіберцивілізації) // Підприємництво, господарство і право. 2004. № 3. С. 90-94.

References:

1. Kvantaliani I.E. Deyatelnost Organizatsii severoatlanticheskogo dogovora (NATO) v sfere obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti // Pravovaya initsiativa. – 2012. - № 3. URL: <http://49e.ru/en/node/265>
2. Kurushin V.D., Minaev V.A. Kompyuternye prestupleniya i informatsionnaya bezopasnost: Spravochnik. M., 1998. 630 s.
3. Panarin I. Tehnologiya informatsionnoy voyni. M., 2003. 400 s.
4. Pro Osnovni zasadi rozvitku Informatsiyogo suspilstva v 2007-2015 rokah: Zakon Ukrayini vId 09.01.2007 r. // Vidomosti Verhovnoyi Radi Ukrayini. 2007. № 12. S. 102.
5. Kochetkov A.P., Mehed N.G. Sovremennaya Rossiya: klyuchevyye problemy bezopasnosti // Vlast. 2008. № 10. S. 12-19.
6. Goncharenko A., Dzhanguzhin R., Lisitsyin E. Grazhdanskiy kontrol i sistema natsionalnoy bezopasnosti // Zerkalo nedeli. 2002. № 35. 14 sentyabrya.
7. Pro osnovi natsionalnoyi bezpeki Ukrayini: Zakon ukrayini vid 19 chervnya 2003 r. // Vidomosti Verhovnoyi Radi Ukrayini. 2003. № 39. S. 351.

8. Tsimbalyuk V.S. Informatsiyna bezpeka pidpriemnitskoyi diyalnosti: viznachennya sutnosti ta zmistu ponyattya za umov vkhodzhennya Ukraini do informatsiyogo suspilstva (globalnoyi kibertsivilizatsiyi) // Pidpriemnitstvo, gospodarstvo i pravo. 2004. № 3. S. 90-94.

УДК 341.018

О понятии «информационная безопасность» по праву Украины

Ольга Григорьевна Турченко

Донецкий национальный университет, Украина
ул. 600-летия, 21, Винница 21021
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: adzzura@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится анализ различных подходов к определению понятия «информационная безопасность» и предлагается авторское определение данного понятия в контексте международной информационной безопасности. Информационную безопасность предлагается определять как составляющую безопасности государства, состояние защищенности лица, общества и государства, при котором достигается информационное развитие (техническое, интеллектуальное, социально-политическое, морально-этическое), при котором негативные посторонние информационно-психологические и информационно-технические влияния через неполноту, несвоевременность и недостоверность используемой информации, несанкционированное распространение, использование и нарушение целостности, конфиденциальности и доступности информации не наносят им существенного вреда.

Ключевые слова: информационное пространство, информационная безопасность, национальная безопасность, международная информационная безопасность.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 3, Is. 1, pp. 29-32, 2015

DOI: 10.13187/rjcl.2015.3.29
<http://ejournal41.com>

UDC 341.1

The Reform of Structure and Competence of Ministry of Foreign Affairs of Finland in the Field of Participation in EU Affairs

Ilia N. Zhdanov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Lecturer of Chair of International and European Law
E-mail: mail@ijdanov.ru

Abstract

The paper considers the reform of the Ministry of Foreign Affairs of Finland in recent years, the change of its competence in the field of participation in the affairs of the European Union. The author describes in detail the new structure of the Ministry, its departments and divisions involved in EU affairs.

Keywords: the Government of Finland, Ministry for Foreign Affairs of Finland, participation in the affairs of the European Union.

Введение

Автором исследуют проблемы функционирования Министерства иностранных дел Финляндии и его компетенции с точки зрения участия в делах ЕС, а также ее изменения, ввиду последних реформ ведомства. Указанные вопросы мало изучены в российской науке. Между тем, Финляндия – активный и весьма влиятельный член Евросоюза. МИД Финляндии играет важную роль в реализации внешней политика государства.

Материалы и методы

Источниками для написания данной статьи являются официальные документы МИД Финляндии и ряд исследований финских ученых.

Для цели исследования использовались такие методы познания, как проблемно-хронологический и системный. Проблемно-хронологический метод помогает отразить рассуждения автора относительно развития МИД Финляндии, в то время как системный метод способствует установлению и логичному изложению современной структуры и компетенции данного ведомства.

Обсуждение

Министерство иностранных дел Финляндии [3] является одним из ключевых акторов в решении вопросов ЕС и проведения политики государства в институтах Европейского союза.

В 2012 г. в Финляндии произошло существенное реформирование правительственной системы координации и решения вопросов, связанных с ЕС, которое затронуло структуру и компетенцию МИД Финляндии. В настоящее время МИД Финляндии отвечает за

подготовку и мониторинг вопросов, связанных с ЕС, а сам Министр обладает исключительной компетенцией в подготовке дел Финляндии, связанных с ЕС, в следующих областях: а) внешние связи в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС, торговой политики и политики в области развития; б) общее развитие ЕС в сотрудничестве с Правительственным Департаментом по делам ЕС; в) европейское право и соглашения с третьими странами в рамках внешних отношений ЕС.

Исторически, МИД Финляндии в первоначальный период членства Финляндии в ЕС (1995–2000 гг.) обладал наибольшим объемом компетенции по делам ЕС в структуре Правительства Финляндии, поскольку в его состав включался Секретариат по делам ЕС МИД Финляндии. Он был де-юре ответственен за координацию большинства вопросов, связанных с ЕС. Де-факто же эту роль постепенно стала выполнять Администрация Премьер-министра Финляндии, т.к. с течением времени вопросы ЕС начали все в большей и большей степени затрагивать национальную политику государства.

Юридическая передача компетенции выглядела вполне логичной, и Секретариат по делам ЕС был перемещен из структуры Министерства иностранных дел в Администрацию Премьер-министра летом 2000 г. после небольшой задержки, предназначенной для исключения какого-либо вреда для председательства Финляндии в ЕС в 1999 г. Как заметили Р. Лампинен, О. Рен, П. Уусикюла, причиной «трансфера полномочий» было недоверие в беспристрастности Министерства иностранных дел со стороны других министерств, и подобные институциональные споры только способствовали его развитию [2].

В первоначальный период членства Финляндии в ЕС в структуре МИД Финляндии можно было выделить отдельные структурные единицы – отделы, специализирующиеся на вопросах ЕС и их координации. В рамках Регионального отделения МИД существовало Отделение по делам ЕС, вопросам координации и расширения, которое состояло из пяти отделов.

Более того, Отдел по связям с ЕС, находившийся в ведении Политического департамента МИД Финляндии, отвечал за вопросы общей внешней политики и политики безопасности, а глава этого отдела был членом Европейской корреспондентской группы. Отдел по праву ЕС находился в ведении Юридического департамента МИД и отвечал за судебные-правовые вопросы. В подобном ключе функционировали и Департамент по внешним экономическим связям и Департамент международного сотрудничества и развития, которые были компетентны в решении вопросов ЕС, входящих в круг их деятельности, на что более детально обратили внимание И. Расэнен [4], Т. Тииликайнен [5].

Начиная с 2008 г., организационная структура МИД Финляндии подверглась значительным изменениям. Согласно Пресс-релизу 299/2008 от 25 августа 2008 г., «с начала сентября 2008 г. количество отделов Министерства будет уменьшено с двенадцати до восьми, при том, что существующие отделы будут объединены... Целью реформы является интенсификация обработки основных функций Министерства». Важность вопросов ЕС было особенно подчеркнута в Пресс-релизе: «Специальной целью представляется интенсификация в координации дел ЕС».

В настоящее время организационная структура МИД Финляндии [12], связанная с вопросами ЕС, несколько расширилась и специализировалась. Анализируя последние ключевые новации в деятельности МИД Финляндии и его существующих на данный момент восьми отделов, следует заметить следующее.

Во-первых, наиболее важно отметить, что с 22 июня 2011 г. была введена должность Министра по делам ЕС и международной торговле Финляндии. В его компетенцию входит решение всех вопросов по делам ЕС, вытекающих из деятельности Правительственного секретариата по делам ЕС, за исключением тех вопросов, которые находятся в компетенции Премьер-министра Финляндии.

Во-вторых, в настоящее время выделяется отдельный Департамент по делам Европы, в который входят Отдел по общим вопросам ЕС и координации [7], а также Отдел по расширению ЕС и Восточным Балканам [8], которые специализируются исключительно на вопросах ЕС.

В задачи Отдела по общим вопросам ЕС и координации входят:

а) решение общих вопросов, связанных с ЕС, включая вопросы развития ЕС и институциональные вопросы;

б) подготовительная работа для деятельности COREPER II и участие в подготовке вопросов для Совета иностранных дел Совета ЕС;

в) внутренняя координация горизонтальных вопросов ЕС в рамках МИД Финляндии, включая внешнее измерение энергетической политики ЕС и внешней политики ЕС.

Отдел по расширению ЕС и Восточным Балканам в части дел ЕС ответственен за обсуждение относительно расширения ЕС и связанных с ним вопросов.

В-третьих, в рамках Юридического департамента МИД были организованы Отдел по праву ЕС и Учредительным Договорам ЕС [9], Отдел по судебным делам ЕС [10].

Отдел по праву ЕС и Учредительным Договорам ЕС несет ответственность за: подготовку и имплементацию международных договоров, взаимосвязанных с ЕС; решение вопросов европейского права; предоставление консультаций и рекомендаций по законодательству ЕС и международным договорам; участие в правовом развитии институциональной структуры и законодательных процедур ЕС.

Отдел по судебным делам ЕС ответственен за: представление Правительства Финляндии в Суде ЕС; предоставление информации о судебных делах ЕС и процедурах разбирательства, затрагивающих Финляндию и пр.

В-четвертых, как и ранее, в Политический департамент МИД входит Отдел по общей внешней политике и политике безопасности ЕС [11]. На сегодняшний день перед ним стоят следующие новые задачи: а) координация и подготовка ОВПБ; б) задачи Европейского Корреспондента; в) надзор и развитие коммуникационной сети COREU; г) иные ведомственные функции.

В-пятых, важную миссию в делах ЕС выполняет Постоянное представительство Финляндии в Европейском союзе (в Брюсселе) [13], находящееся в ведении МИД Финляндии. Оно выполняет ключевую роль в реализации финской политики в области ЕС, посредством участия в обсуждениях от имени Финляндии, проводимых в Совете ЕС. Штат Постоянного представительства состоит из около 100 гражданских служащих, представляющих каждое финское Министерство.

Оно возглавляется Постоянным представителем Финляндии в ЕС и его Заместителем, которые представляют Финляндию в Комитете постоянных представителей Совета ЕС (COREPER).

В структуре Постоянного представительства выделяются Представитель Финляндии в Комитете по политике и безопасности Совета ЕС (PSC) [6] и Европейском Военном комитете (EUMC) [1].

Заключение

Таким образом, реформа МИД Финляндии в сфере участия в делах ЕС привели к рационализации его структуры и компетенции. Это позволило интенсифицировать деятельность МИД, с учетом возрастающих требований ЕС к дипведомствам его государств-членов. Подобный опыт может быть интересен и для России, с точки зрения организации деятельности МИД РФ в области участия в делах ЕАЭС.

Примечания:

1. European Union Military Committee (EUMC) // http://eeas.europa.eu/csdp/structures-instruments-agencies/eumc/index_en.htm

2. Lampinen, R. – Rehn, O. – Uusikylä, P. (1998), 'EU-asioiden valmistelu Suomessa', Eduskunnankanslian julkaisu 7/1998. (Helsinki: Oy Edita Ab).

3. Ministry for Foreign affairs of Finland // <http://formin.finland.fi>

4. Räsänen, I. (1998), 'Ulkoasianministeriö (UM)' in 'EU-asioiden valmistelu Suomessa'. Eduskunnan kanslian julkaisu 7/1998. (Helsinki: Oy Edita Ab); Räsänen, I. (1998), 'Sosiaali- ja terveystieteiden ministeriö (STM)' in 'EU-asioiden valmistelu Suomessa'. Eduskunnan kanslian julkaisu 7/1998. (Helsinki: Oy Edita Ab).

5. Tiilikainen, T. (2002), 'Suomen ulkopoliittinen ohjausjärjestelmä perustuslain mukaan. Arvio järjestelmän toimivuudesta.' in Perustuslakiuudistukseen liittyviä selvityksiä. Oikeusministeriön työryhmämietintö 2002:2. (Helsinki: Edita Prima Oy).

6. The Political and Security Committee (PSC) // http://eeas.europa.eu/csdp/structures-instruments-agencies/index_en.htm

7. Unit for General EU Affairs and Coordination // <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?nodeid=16576&contentlan=2&culture=en-US>

8. Unit for EU Enlargement and Western Balkans // <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?nodeid=16577&contentlan=2&culture=en-US>

9. Unit for EU and Treaty Law // <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?nodeid=16571&contentlan=2&culture=en-US>

10. Unit for EU litigation // <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?nodeid=15996&contentlan=2&culture=en-US>

11. Unit for European Common Foreign and Security Policy // <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?nodeid=15904&contentlan=2&culture=en-US>

12. <http://formin.fi/public/default.aspx?nodeid=15130&contentlan=2&culture=en-US>

13. <http://www.finland.eu/Public/Default.aspx>

УДК 341.1

Реформирование структуры и компетенции МИД Финляндии в области участия в делах ЕС

Илья Николаевич Жданов

Воронежский государственный университет, Российская Федерация

394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Преподаватель

E-mail: mail@ijdanov.ru

Аннотация. В статье рассмотрено реформирование Министерства иностранных дел Финляндии за последние, изменение его компетенции в области участия в делах Европейского союза. Более детально автором описывается новая структура министерства, департаменты и отделы, участвующие в делах ЕС.

Ключевые слова: Правительство Финляндии, Министерство иностранных дел Финляндии, участие в делах Европейского союза.